

УДК 82-32

DOI: 10.32342/2523-4463-2018-2-16-13

О.В. БОГДАНОВА,

*доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института филологических исследований
Санкт-Петербургского государственного университета (Российская Федерация)*

ФИЛОСОФИЯ БЫТИЯ В «ХОЛОДНОЙ ОСЕНИ» И.А. БУНИНА

В статье рассматривается рассказ И.А. Бунина «Холодная осень», входящий в третий раздел цикла новелл о любви «Темные аллеи». В работе показано, что композиционное расположение рассказа в заключительной части цикла обуславливает поэтологические особенности текста, в частности – **изменение нарратора: в отличие от других рассказов «Темных аллей» в «Холодной осени» повествование ведется не от лица мужского персонажа, но женского.** Изменение нарративной стратегии на фоне всего цикла «Темных аллей» придает рассказу «гендерную» широту и философскую обобщенность. Интертекстуальные пласты рассказа «Холодная осень» усиливают эмоциональный настрой тонально-психологической ауры рассказа, привнося в него дополнительные смыслы и ставя необходимые семантические акценты.

Ключевые слова: русская проза начала XX в., И.А. Бунин, цикл «Темные аллеи», рассказ «Холодная осень», нарративная система, философский акцент.

У статті розглядається оповідання І.А. Буніна «Холодна осінь», що міститься у третьому розділі циклу новел про кохання «Темні алеї». **У роботі показано, що композиційне розташування оповідання в заключній частині циклу обумовлює поетологічні особливості тексту, зокрема – зміну наратора: на відміну від інших оповідань «Темних аллей» у «Холодній осені» розповідь ведеться не від імені чоловічого персонажа, а жіночого.** Зміна нарративної стратегії на тлі всього циклу «Темних алей» надає розповіді «гендерну» широту і філософську узагальненість. Інтертекстуальні пласти оповідання «Холодна осінь» підсилюють емоційний настрій тонально-психологічної аури оповідання, привносячи в нього додаткові смисли і ставлячи необхідні смислові акценти.

Ключові слова: російська проза початку XX ст., І.А. Бунін, цикл «Темні алеї», оповідання «Холодна осінь», нарративна система, філософський акцент.

Рассказ И. А. Бунина «Холодная осень» датирован 3 мая 1944 г. В дневниках Бунина под 1945 годом сохранилась запись:

«1. I. 1945. Понед.

Сохрани, Господи. – Новый год.

Уже с месяц болевая точка в конце печени при некоторых движениях. Был долгий кашель, насморк, грипп.

Топлю по вечерам. Вера сидит у меня, переписывает на машинке некоторые мои вещи, чтобы были дубликаты. И еще, еще правлю некотор. слова.

Очень самого трогает “Холодная осень”. Да, “великая октябрьская”, Белая армия, эмиграция... Как уже далеко все! И сколько было надежд! Эмиграция, новая жизнь – и, как ни странно, еще молодость была! В сущности, удивительно счастливые были дни. И вот уже далекие и никому не нужные...» [1, с. 188].

Рассказ «Холодная осень» включен Буниным в III раздел цикла «Темные аллеи», в тот завершающий отдел, который аккумулирует авторские наблюдения над жизнью, над ее противоречиями и антиномиями.

Название рассказа – «Холодная осень» – образно, многозначно, символично. Прежде всего, холодная осень – вполне конкретное время года, когда разворачиваются события в тексте, конкретное обозначение временных рамок происходящего в рассказе. «Удивительно ранняя и холодная осень!» [2, с. 206]. Холодная осень 1914 года.

Холодная осень – это и аллюзия на А.А. Фета, поэтический образ, заимствованный из стихотворения «Какая холодная осень!..»

Какая холодная осень!
Надень свою шаль и капот;
Смотри: из-за дремлющих сосен
Как будто пожар восстает.

Сияние северной ночи
Я помню всегда близ тебя,
И светят фосфорные очи,
Да только не греют меня.

Подобно тому, как в рассказе «Темные аллеи» Бунин опирался на ассоциативно-метафорический образ «темных аллей» из стихотворения Н.П. Огарева «Обыкновенная повесть», так и в «Холодной осени» прозаик полагается на фетовский интертекст¹. Апелляция к творчеству поэта-классика становится одной из примет «мнемонического» рассказа, базирующегося на воспоминании, на впечатлении – своем и чужом, жизненном и поэтическом.

В образно-метафорическом смысле «холодная осень» – символ по-осеннему холодной жизни героини, ее одиночества и неприютности, настигших ее после потери возлюбленного. И состояние души героини, ведущей неспешный, холодно-осенний безэмоциональный рассказ о своей долгой одинокой жизни, горестного существования без любви.

Рассказ «Холодная осень» заключает в себе ретроспективную установку. Однако в отличие от рассказов первого раздела цикла «Темные аллеи» третий раздел книги насыщен не просто впечатлениями бывшего, ушедшего, памятного, но пронизан философски раздумчивыми наблюдениями, жизненно антитетичными суждениями и неожиданно парадоксальными умозаключениями главных героев. В третьем разделе цикла персонажи Бунина словно подводят жизненные итоги, погружаются в прошлое не во имя воспоминаний, но ради акцентуации важных жизненных философем, для подтверждения истинности и достоверности обретенных жизненным опытом суждений и наблюдений.

Нарративная система в рассказе «Холодная осень» отличается от большинства текстов, входящих в цикл «Темные аллеи». Героим-рассказчиком в «Холодной осени» становится женский персонаж, субъектная наррация в тексте осуществляется от ее лица. Рассказ безымянной героини посвящен истории расставания с любимым человеком, призванным на войну и вскоре погибшим на фронте. Т. е. в тексте рассказа появляется мужской персонаж. Между тем близости между *он*-героем и *сквозным* мужским персонажем цикла «Темные аллеи» нет. Те несколько реплик, которые доверены Буниным мужскому персонажу в «Холодной осени», не дают оснований сопоставить его с образом героя, действующего во всем цикле рассказов о любви. В «Холодной осени» скорее женский персонаж, ведущий повествование, берет на себя функции, присущие мужскому типу героя, – страдание, разочарование, испытание жизнью, постижение законов бытия, философическое наблюдение над условностями земного существования. Обращение к «нехарактерному» для Бунина типу женщины-нарратора динамизирует повествовательную форму, позволяет прозаику, с одной стороны, внести разнообразие в систему повествователей-рассказчиков цикла, с другой – обобщить разнородность гендерного мировидения, придать рассказовым суждениям широту и всеобщность. Тенденция к философской компоненте текста в III разделе цикла усиливается.

Символизация и универсализация жизненных умозаключений героя (героини) достигается в «Холодной осени» через посредство приема антитетичности, *антитезы*, прони-

¹ Психолого-интонационное родство задается в обоих рассказах временем года. Ср. начало рассказа «Темные аллеи»: «В холодное осеннее ненастье...» [2, с. 7].

звующей и организующей весь текст рассказа, выступающей реализацией и воплощением антиномий сложной и неоднозначной человеческой жизни.

Как показывают наблюдения над бунинскими текстами, природный пейзаж у него всегда играет важную композиционную и смысловую роль, оказывается важным образно-поэтическим элементом в оформлении художественного события. И хотя в рассказе «Холодная осень» пространство обретает весьма условные черты, но уже только избранный временной отрезок – ранняя холодная осень – задает тональность всему тексту, прогнозирует будущие трагические события, генерирует поток смысловых ассоциаций. И что особенно важно – устанавливает контрастность, пронизывающую и опосредующую все повествование, выводя его на философский уровень.

События в рассказе происходят в сентябре («В сентябре он приехал к нам всего на сутки – проститься перед отъездом на фронт...» [2, с. 206]), но Бунин изображает раннюю осень столь холодной, что «воздух совсем зимний» [2, с. 208]. Еще только сентябрь – а на героине надеты «швейцарская накидка» и «пуховый платок» [2, с. 208]. Вечернее небо «черное», и на нем блещут «ледяные звезды» [2, с. 207]. Определение *ледяные* порождает тревожные предчувствия, а эпитет «*минерально* блестящие звезды» обуславливает безжизненность и мертвенность окружающего хронотопа, отображая будущность судьбы молодого воина, отправляющегося на фронт.

Выход героев в сад, в сентябре должный быть еще в желто-красной листве, сопровождают голые «черные сучья» [2, с. 207] – т. е. картина усадебного пространства сада утрачивает традиционные «райские» коннотации образа-топоса и, смыкаясь в единое смысловое поле рассказа, в единый ассоциативный контекст, пугающе устрашает героев тревожной чернотой и наготой.

Еще более контрастен утренний пейзаж, созданный Буниным, – время расставания жениха и невесты, уход молодого человека на фронт, последние минуты вместе. Рассказчица отмечает «удивительную *несовместность*» [2, с. 208] между грустью расставания героев и «окружавшим <их> радостным, солнечным, сверкающим изморозью на траве утром» [2, с. 208]. Контраст задан и выделен, осознан и акцентирован.

В рассказе «Холодная осень» Бунин отказывается от традиционных приемов сюжетосложения – по существу сюжетно-фабульная интрига в рассказе отсутствует. Психологическое пространство, в котором разворачивается «ослабленный» сюжет, представляет собой мир субъективных переживаний и воспоминаний героини. Повествование основано на ощущениях и впечатлениях, и потому функции выразителей (заместителей) внешних фабульных перипетий берут на себя бытовые штрихи и детали, которые извлекает из памяти героиня и которые по ходу наррации превращаются в психологические, в чувственно-ощутимые, внутренние. Рассказчица констатирует факты, не давая им комментария, прозаик же выстраивает их так, чтобы за нанизыванием номинаций выросла глубинный психологический фон событий. Неслучайно замечание рассказчицы: «Мы в тот вечер сидели тихо, лишь изредка обменивались незначительными словами, преувеличенно спокойными, скрывая свои тайные мысли и чувства» [2, с. 206]. Незначительные слова противопоставлены глубокой грусти, тишина и спокойствие – волнению, преувеличение – сокрытию важности предчувствий. Бунин с точностью психолога обнажает души героев – «притворно простые» [2, с. 207] реплики персонажей скрывают/выявляют их боль и тревогу.

Прозаик удивительно тонко, едва заметно, но выразительно воссоздает трагически тревожное противоречие (столкновение) между войной и миром. Однако историко-конкретный фон (1914 год, начало Первой мировой войны) становится только отправной точкой более глобальных обобщений и универсалий. Герой повествования, молодой жених, еще не стал членом семьи героини. Между тем Бунин использует слова-маркеры, которые со всей очевидностью акцентируют теплые сердечные отношения, установившиеся в семье. Молодой герой принят как родной. По словам героини, «он <...> всегда считался у нас своим человеком» [2, с. 206] – и Бунин акцентировано настойчиво подчеркивает это. Отец героини обращается к герою «душа моя» [2, с. 207]. Мать героини воспринимает молодого человека своим сыном: «Мама встала и перекрестила своего будущего сына» [2, с. 207]. О себе и о жене (обращаясь к герою) отец говорит – «нам с мамой пора спать» [2, с. 207], чтобы пораньше встать и проводить «сына». Прозаиком использованы интимно-душевные

слова *мама* и *папа*, но не мать и отец (тем более что обращены они пока не к сыну, но к жене). В описании героини – молодой герой «склонился к ее <маминой> руке, потом к руке отца» [2, с. 207] – Бунин вновь выстраивает предложение таким образом, как если бы речь действительно шла о *его* <героя> отце и *его* матери, с которыми он прощается перед сном.

Душевная близость между героями подчеркивается выразительной деталью – золотой образок, зашиваемый матерью героини в шелковый мешочек, порождая в героях чувства «трогательные и жуткие» [2, с. 207]. Символическая деталь – «образок» – актуализирует в тексте Бунина толстовские мотивы, заставляя вспомнить проводы Андрея Болконского на войну и сестринский подарок княжны Марьи – подобный образок-ладанку. Параллель к образу Андрея Болконского невольно пробуждает в сознании мотивы чести и долга, которые сопровождали героя Толстого в романе «Война и мир», эксплицируя мотив «дороги чести» бунинского героя. По сути, толстовская антитеза «войны и мира» находит свое отражение в рассказе Бунина посредством «*мысли семейной*».

Однако отношение Бунина с литературной традицией только толстовским мотивом не исчерпывается. В текстах Бунина имена Толстого и Пушкина неизменно оказываются рядом. И рассказ «Холодная осень» не становится исключением. Рядом с толстовским мотивом «войны и мира», «чести и долга» в тексте начинает звучать пушкинский мотив любви и великодушия. Оказавшись с героиней наедине, подобно пушкинскому лирическому герою, бунинский персонаж произносит: «Ну что ж, если убьют, я буду ждать тебя там. Ты *поживи, порадуйся на свете*, потом приходи ко мне» [2, с. 208]. И в словах бунинского героя слышится лирическое пушкинское: «Как дай вам Бог любимой быть другим...».

Появление в подобном ассоциативно литературном контексте имени А.А. Фета лишь усиливает ощущение всеобщности изображаемой коллизии, углубленной до «времен наших дедушек и бабушек...» [2, с. 207], почти пушкинско-толстовских. Отсюда трогательное обсуждение фетовских шали и капота и грустное замечание героини: «Капота нет...» [2, с. 207] – как свидетельство изменившегося времени, нравов, законов.

Исследователи отмечали, что строки Фета приводятся в тексте Бунина с небольшими искажениями. А.К. Бабореко по этому поводу писал: «Бунин неточно приводит первые четыре строки из стихотворения без заглавия А.А. Фета; определение “дремлющих” сосен он заменил словом “чернеющих”» [3, с. 246]. Далее комментатор размышляет: «<...> даже если это ошибка памяти, а не сознательное стилистическое изменение поэтической строки, все равно такая замена слова характерна для Бунина: она соответствует его стремлению изображать мир в красках. Небо, загоревшееся пожаром на восходе солнца, видимое сквозь чернеющие сосны – <...> впечатляющая картина» [3, с. 246].

Однако поэтическая задача Бунина, кажется, еще более точно направлена. Прозаик, несомненно, задумывался о «впечатляющей картине» холодной осени, однако контентность ее может быть в ином. Во-первых, речь в тексте Бунина идет не о восходе солнца, а о восходе луны («Восход луны, конечно» [2, с. 207]), что немаловажно в контексте рассказа, ибо именно образ луны привносит тревожно-трагические ноты в атмосферу вечерне-ночной сцены. Ледяной и минеральный свет холодных звезд и луны порождают коннотации мертвенности ночного светила и тем самым бросают трагический отблеск на судьбу героя. И в этом контексте не менее важно то, что фетовское определение «дремлющие» сосны заменено у Бунина эпитетом «чернеющие» – не столько в намерении «впечатлить» красками картины, сколько в стремлении еще раз подчеркнуть мертвенность и пугающую тревожность завтрашнего будущего. Герой рассказа всего через месяц будет убит в Галиции [2, с. 208]. Поэтому строки «Смотри – меж чернеющих сосен / Как будто пожар восстает» говорят уже не о пожаре восхода, а о пожаре начавшейся войны (Бунин чутко и тонко обыгрывает устоявшийся знакомый фразеологизм). Поэтическая «адаптация» строк Фета (вольная или невольная) работала на собственно бунинский текст, на выразительную контрастность мира и войны, счастья и потерь, любви и одиночества. В этом окружении, казалось бы, нейтральный оборот речи героя «*вечно буду помнить* этот вечер...» [2, с. 208] коррелирует с мотивом «вечной памяти», который (в светском и религиозном сознании) непременно и прочно связан с «вечной памятью» о погибших. Т. о. мельчайшие нюансы речи героев становятся частью емкой системы психологизации текста, оказываются важными составляющими его психолого-характерологического подтекста.

Многочисленные антиномии бунинского рассказа «жаркий – холодный», «ранний – поздний», «родной – чужой», «обручение – расставание», «свадьба – похороны», «месяц – тридцать лет» особенно ярко и выразительно подчеркиваются еще одной антитезой: «Я пошла по комнатам, заложив руки за спину, не зная, что теперь делать с собой и *зарыдать* ли мне или *запеть* во весь голос...» [2, с. 208]. Вряд ли можно представить себе героиню, только что проводившую жениха на войну, поющей во весь голос. Однако Бунин намеренно акцентирует этот контраст, ибо весь рассказ сознательно смоделирован, сконструирован прозаиком на антитезе, чтобы усилить и сделать более отчетливой – и смысловоемкой – еще одну антиномию, финальную и главную в тексте «Холодной осени».

Подводя итог своей жизни, героиня размышляет: «<...> вспоминая все то, что я пережила с тех пор, всегда спрашиваю себя: да, а что же все-таки было в моей жизни? И отвечаю себе: только тот холодный осенний вечер. Ужели он был когда-то? Все-таки был. И это все, что было в моей жизни – остальное ненужный сон» [2, с. 210]. Для героини «один вечер» оказывается ценнее «всей жизни».

Бунин (точнее – его героиня) возводит отдельный момент (вечер, час) к вечности (в частности, к той, о которой упоминал герой при прощании), констатирует иллюзорность внешнего бытия («все <...> остальное ненужный сон» [2, с. 210]). Однако возникает вопрос: почему один вечер? Ведь наверняка в жизни молодых героев были и другие вечера, недели, месяцы, когда они были счастливы, любили друг друга. Почему важнейшим для героини не стал день, когда ее назвали невестой? Бунин как будто бы отходит от жизненного правдоподобия, но делает это сознательно, ибо ориентируется на поэзию, на метафорическое сознание героини, на романтизированное восприятие прошлого женским персонажем. Единственным тот холодный вечер стал для героини потому, что именно в те часы и минуты она пережила самый высокий накал чувств – максимальную экспрессию любви, боли, страха, предчувствий. И именно в тот вечер героиня произнесла слова, которые помнила в течение всей жизни.

На прощальные слова героя героиня в отчаянии пообещала жениху: «Я не переживу твоей смерти!» [2, с. 208]. Но, как оказалось, пережила. И прожила еще «долгих» [2, с. 209] тридцать лет.

В рамках ретроспективного хронотопа женский персонаж Бунина в продолжение всей своей жизни не может забыть обещания, данного герою, и то ли корит себя за скоро и необдуманно брошенные слова, то ли наблюдает и констатирует особый закон жизни: «Так и пережила я его смерть, опрометчиво сказав когда-то, что я не переживу ее» [2, с. 210]. Антиномичность бытия становится выражением одного из главных законов жизни: «Слова, слова, слова...». Героиня-женщина (по Бунину, не герой-философ) приходит к весьма философскому – шекспировскому – заключению о (не)значении произнесенного слова. И то спокойствие, которым писатель наделяет героиню, повторяющую эти слова, становится признанием всеобщности житейски-жизненной истины, которую она познала на собственной судьбе.

В тексте рассказа вновь возникает переключка с рассказом «Темные аллеи». Как в первом тексте цикла герой признавал (выводил) непреложный закон жизни: «Все проходит. Все забывается» [2, с. 10], так и героиня «Холодной осени» постигает аксиому бытия, познает цену ответственности за необдуманно-безответственно сказанное слово.

Монотема любви оказывается доформированной новой составляющей – познанием противоречивости и неоднозначности намерений, действий, поступков, слов, мыслей человека (героя), затекстовым суждением о несовпадении желаний и их воплощения, о цене обещаний и их исполнении. Спокойно-раздумчивый тон героини придает всей коллизии обобщающий – философический – колорит. Ретроспекция-история героини выходит за пределы единично-локального события.

В финале рассказа Бунин моделирует реальности разного порядка, выводит героиню из сферы привычной действительности, но отдает во власть законов инобытия. К концу жизни автору и герою (героине) остается только надежда – вера в то, что «холодная осень» жизни вскоре закончится, а он «с той же любовью и молодостью» будет ждать ее в ином мире. «Я пожила, порадовалась, теперь уже скоро приду» [2, с. 210]. Последней антитезой рассказа становится «память – вера», не реальные воспоминания («И вот уже далекие и

никому не нужны...»), а мистическая надежда на иномирные закономерности. Теперь для героини триада «вера – надежда – любовь» опирается прежде всего на первые слагаемые.

В третьей части цикла «Темные аллеи» ретроспективно-ностальгические мотивы рассказов о любви все сильнее и полнее обретают у Бунина черты текстов философических, наполненных осмыслением уже не только истории любви, но философии жизни, трагических коллизий бытия. Страх перед смертью, пронизывавший многие ранние рассказы Бунина, к третьей части книги о любви сменился искомым героями (и автором) «освобождением», надеждой на возвращение «любви и молодости в ином мире» [2, с. 210], желанной верой в соединение пространства обыденного и сакрального.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бунин И.А. Дневники / И.А. Бунин // Собр. соч.: в 9 т. – М.: Художественная литература, 1966–1967. – Т. 9. – 622 с.
2. Бунин И.А. Холодная осень / И.А. Бунин // Собр. соч.: в 9 т. – М.: Художественная литература, 1966–1967. – Т. 7. – С. 206–210.
3. Бабореко А.К. Комментарии / А.К. Бабореко // Бунин И.А. Темные аллеи. – М.: Молодая гвардия, 2002. – 328 с.

THE PHILOSOPHY OF BEING IN THE “COLD AUTUMN” BY I.A. BUNIN

Olga V. Bogdanova, Saint Petersburg State University (Russian Federation). E-mail: olga-bogdanova03@mail.ru

DOI: 10.32342/2523-4463-2018-2-16-13

Key words: *Russian prose of the beginning of the XX century, “Dark alleys”, “Cold autumn”, narrative system, philosophical accent.*

The article deals with the figurative and narrative system of the story “Cold autumn” by I. Bunin, which is a part of the third section of the series of novels about love “Dark alleys” (1937–1944).

The paper shows that unlike the stories of the first section of the cycle “Dark alleys” the third section of the book is full of not just impressions of the past, the memories, but permeated with philosophically thoughtful observations, vital antithetic judgments and unexpectedly paradoxical conclusions of the main characters (heroine).

The “retrospective” compositional structure of the story and the position of the text in the final part of the cycle determine the originality of the novel’s poetological features, in particular, the change in the character of the narrator. Unlike other short stories of “Dark alleys” in the “Cold autumn” the story is not on behalf of traditional and habitual male character, but on behalf of the female character. Changing the narrative-personal strategy of “Cold autumn” – against the background of the whole cycle of stories of “Dark alleys” – gives the novelistic text “gender” breadth and objectivity, allowing to go beyond the rational mentality of the male narrator-narrator and actualize in the text emotional saturation and mobility, nuance of impressions and dichotomy of girlish/female judgments.

Intertextual layers of the story “Cold autumn” enhance the emotional mood and tone-psychological aura of the story, bringing additional meanings and putting the necessary semantic accents. The philosophical richness of the story is accumulated based on a mental generalization of A. Fet, W. Shakespeare, A. Pushkin, L. Tolstoy. Appeal to the works of classical writers becomes one of the signs of the “mnemonic” story, based on personal memories, on a deep and memorable experience – his and someone else’s, life and poetry.

In figurative and metaphorical terms, the image of Fet’s “cold autumn” becomes Bunin’s polysemantic symbol of the heroine’s autumn cold life, her loneliness and discomfort that overtook her after the loss of her beloved.

Motif of love inherent in all the stories of “Dark alleys” is in the “Cold autumn” is supplemented by a new component – the knowledge of the inconsistency and ambiguity of intentions, actions, words, thoughts of a man (the hero), the new judgment of the discrepancy between desires and their realization, the argument about the cost of the promises and their fulfillment. Calm and thoughtful tone of narrator-heroine gives the whole conflict of the story generalizing – philosophical – flavor. The retrospective story of the heroine goes beyond a single local event.

The article concludes that in the third part of the cycle “Dark alleys” retrospectively nostalgic motives of love stories become stronger and more with features of philosophical texts, filled with understanding of not only the history of love, but the philosophy of life, the tragic collisions of life. And the example of this idea – story “Cold autumn”.

References

1. Bunin, I.A. *Dnevniki* [Diaries]. *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Complete works: in 9 vol.]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1966-1967, vol. 9, 622 p.
2. Bunin, I.A. *Holodnaja osen'* [Cold Autumn]. *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Complete works: in 9 vol.]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1966-1967, vol. 7, pp. 206-210.
3. Baboreko, A.K. *Kommentarii* [Comments]. In: Bunin, I.A. *Temnye allei* [Dark Alley]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2002, 328 p.

Одержано 5.10.2018.